

ДЕЙСТВИЕ МЕСТОИМЕНИЙ И ЧАСТИЦ В РЕЧЕВОМ РАЗГРАНИЧЕНИИ ДРЕВНЕРУССКИХ СЛОВ, СЛОВСОЧЕТАНИЙ, ПРЕДЛОЖЕНИЙ И ТЕКСТОВ

В статье на материале древних памятников письменности рассматриваются метатекстовые функции местоимений и частиц, сопоставляемые с функциями этих слов в современном русском дискурсе.

Древний рукописный текст не знал разделения на слова. Отсутствовала «буква пробела» — так же, как в славянской кириллической цифири не было знака для нуля. Это сближало письменную речь с речью звучащей, поскольку в последней границы между словами определяются на слух не по паузам, а по фонетическим приметам конца и начала слова, словесному ударению, интонации и смыслу. Однако, несмотря на особые исторические законы анлаута и ауслаута, фонетические приметы границ слова до окончания процесса падения редуцированных были выражены слабо. Начальные сочетания согласных не очень отличались от возможных сочетаний согласных внутри слова, а протезы перед начальными гласными явились следствием общей дефонологизации [j] и [v], при которой эти звуки превращались во вставные (*Бблоезерский, навостришь*) или выпадали, приводя во многих славянских диалектах к появлению интервокальных позиций (*игр [áэ]т*); в конце слова возможны были только гласные, причем если они были редуцированными, то могли находиться только в середине и в конце слова, но, будучи изолированными, конечные редуцированные стали исчезать в устной речи быстрее других. Фонетическая разница между слогом и словом была малозаметной, потому что начало слога похоже на начало слова, конец слога, всегда открытого, — на конец слова. Силовое словесное ударение еще не сформировалось, слово прочно удерживалось в традиционных формулах потока речи.

Тем не менее, слово как субъект развития языка обычно уверенно выделяется современными исследователями даже из самых древних письменных текстов. Делается это с опорой на позднейшую судьбу слов, парадигматически оформленных и обретших свои системные связи. Ретроспективный взгляд дает уверенность в слове-результате развития, но оставляет в стороне

проблему исходных, качественно иных отношений. Исходные же отношения подсказывают, что связи между морфемами были слабее, чем в наши дни, а связи между отдельными словами в тексте — сильнее¹. Но если относительная отдельность слов в тексте все-таки осознавалась, то существовали какие-то другие, содержательные признаки, по которым наши предки распознавали границы между словами, словосочетаниями-синтагмами и высказываниями-предложениями.

Среди средств, хорошо выполняющих функции разграничения фрагментов в потоке речи, особую роль играют предлоги-приставки, союзы, частицы и местоимения. По Фр. Боппу², это элементы указательного поля языка, в противоположность именам, глаголам и наречиям — элементам символического поля языка. Элементы символического поля «обрастают» элементами указательного поля, которые в этом случае теряют свою лексическую самостоятельность, а явления внутренней флексии и инфикса стремительно сокращаются. Превращаясь в словообразовательные и словоизменяемые форманты, служебные слова и местоимения не только формируют морфологию полнозначительных слов, но и сигнализируют об их границах, лучше и лучше выделяя слова в нерасчлененном потоке речи и существенно ограничивая возможности инкорпорации. В той мере, в какой границы слова представлены в фонетическом (и фонологическом) отношении, конец слова различается хуже, чем начало [Кудрявцев 1982: 5–13]; это следует хотя бы из дополнительных наращений (протез) в начале и длительной и исторически очень утойчивой тенденции к сокращению и утрате различий в конце слова. В то же время морфологическое развитие слова происходит именно в постпозиции к корню. Приставка лишь модифицирует лексическое значение, суффикс же (в том числе и такой, который стал окончанием) или конфикс способен перевести производное слово в другую часть речи, в другой понятийный разряд, напр., обозначить лицо по предметному признаку, качеству или действию.

В постпозиции к полнозначительной основе местоимения превращаются в суффиксы: *слыти* — *слухъ* ($x < *s$), *коло* — *кол-есо* (ср. **so*, *себе*, *самъ*, возможно *сей*), *мьтати* — *мьс-то*, *ли-ти* — *ль-то* (ср. *то-того*), *коло* — *кол-ь-но*, *око* — *окъ-но* (ср. *оно-оного*). По суффиксам распознаются словообразовательные классы слов.

Если местоимение остается в свободном употреблении, оно сигнализирует о начале текста, нового высказывания или организует ту или иную синтагму. Эту функцию выполняет, прежде всего, слово *се* для больших периодов, *то* — для простых предложений. Частицы-союзы *а*, *и*, *нъ*, начинающие синтагмы, а также энклитики *же*, *ли*, *бо*, попадающие всегда на второе место [Wackernagel 1979: 1865–1869], служат надежными определителями левой границы отрезков текста, бóльших, чем слово. На письме, задолго до появления знака пробела, между синтагмами обычно стояла точка, и если нет других собственно языковых признаков ее начала, то точка, а затем и

запятая, оставались единственными сигналами границы между синтагмами. Это обстоятельство способствует развитию фразовой интонации в больших жанрах устных форм речи (напр., в проповедях), «диалогах в монологе».

Исконным положением атрибутивного местоимения при существительном была контактная постпозиция. К такому выводу можно прийти на основании следующих признаков:

1). В постпозиции лучше сохраняется более древняя простая форма указательного местоимения: *грамота си, монастыре-ть, мѣсто то, врѣмя оно*, но *сия грамота, той монастырь, тое мѣсто, оное врѣмя*. Остатки таких форм закрепились в наречиях со значением времени *днесь, лѣтось, нынѣсь, лонись* и под. Если в препозиции местоимение морфологически осложняется (вместо *сь* — *сей*, вместо *ть* — *тотъ, той* или *тый* и т. д.) и тяготеет к самостоятельной определительной синтаксической позиции, уподобляясь прилагательному, то в постпозиции оно ведет себя как энклитика и легко суффицируется.

2). В постпозиции местоимение не распространяется частицей *же* либо другими частицами. В препозиции указательное местоимение часто распространяется частицами, между ним и существительным свободно появляются притяжательные и другие местоимения, согласованные и даже несогласованные определения: *та же грамота, та моя пожня, тех его христиан, та де жалованная грамота, сеѣ у нихъ грамоты*. Отсюда следует, что в постпозиции местоимение подчеркивает **конец слова**, в препозиции — **начало словосочетания**. В книжных текстах для этого широко используется относительное местоимение *иже*, которым передается греческий артикль.

3). В препозиции местоимение синтаксически настолько отдалается от существительного, что может создавать с ним даже полноценное двусоставное предложение — биноминальную структуру: *се чара*. В постпозиции указательное местоимение не только не создает предложения, но и, как видим, не способно создать полноценного словосочетания. Отсюда феномен русского диалектного постпозитивного артикля.

4). В памятниках эпиграфики (надписях на предметах) и в приписках к текстам, в которых первичная дейктическая функция указательных местоимений представлена особенно отчетливо, местоимения постоянно употребляются после существительных вплоть до XV в.: *крѣсть си, понагия си, евангелие се* (и *е*), *олтарь сей*. В повествовательной, проповеднической и отчасти деловой литературе с XVI в. постпозиция мотивирована уже стилистически.

5). Новое лично-анафорическое местоимение с супплетивной парадигмой *онь-его*, будучи субстантивным по преимуществу, в XVII в. развивает атрибутивные способности, но употребляется только в препозиции: *онь Иванъ — его Ивана*.

Если справедлива гипотеза агглютинации Франца Боппа и словообразовательные и словоизменительные форманты действительно произош-

ли из местоимений, то есть возможность рассматривать правую границу полнозначительного слова, после которого употреблено указательное местоимение, частным случаем древнейшего обычного присоединения простых местоимений (первообразных частиц) к полнозначительным основам. Глаголы в личной форме в этом отношении сомнений не вызывают. Их правая граница всегда четко обозначена восходящими к личным и указательным местоимениям окончаниями *-mi, *-si, *-ti и *-m, *-s, *-t. В формах 1 л. ед. ч. наст. вр. глаголов I-IV-го классов (*несу*), неопределенных формах 3 л. наст. вр. (*несе, несу*) и 3 (реже 2) л. аориста (*несе, несоша*) и имперфекта (*несяше, несяху*) исконные окончания не сохранились, но произошло переразложение, и форманты -е, -у, -оша, -яше, -яху превратились во внешние флексии-окончания. Ш//х в этих окончаниях, в свою очередь, восходят к той же *-s-, местоименной основе, упоминавшейся выше.

В первых памятниках письменности словоформы, сочетаясь друг с другом, непосредственно составляли предикативные единства, эквивалентные нынешним простым предложениям. Словосочетания как самостоятельной синтаксической единицы еще не существовало. С развитием связи управления выделяется главное слово и зависимые при нем, которые вместе образуют словосочетание. Различия между ранним Лаврентьевским списком «Повести временных лет» и Воскресенским списком XVI в. показывают типичные случаи, когда в позднем списке вставляется дополнение в виде анафорического местоимения *его-ему*, завершающего (реже — начинающего) собой словосочетание и вместе с тем отсылающего к вышеупомянутому существительному, а также частица-союз *и*.

Онъдрю учащю въ Синопии и пришедшу ему в Корсунь, увѣдь, яко... (с. 12)³ — Андрю учащу *ему* въ Синапиі, пришедшу же ему в Корсунь, *и* увѣдь...

И хотяше състи с родомъ своимъ (с. 13) — И хотяше състи *въ немъ* с родомъ своимъ.

И възложяхуть ѱ на кладу, сожьжаху. (с. 15) — И возложить на кладу *мрътвеца и сожгутъ е*.

Аще ли дѣвическъ поль, то въздоятъ (РА доб. *и*) прильжнѣ възпитають. (с. 16) — ...*то* въздоити *ю* прильжно.

И бяста у него (у Рюрика) 2 мужа... и та испросистася ко Царюгороду с родомъ своимъ. — ...два мужа Аскольдъ и Дирь... и испросистася у *него* ити ... (862 г.)

Не могоша стати противу (болгаре грекам). — ...противу *ему*... (858 г.)

И пришедшу ему Киеву и пребывшу 4 лѣта — И пришедшу ему отъ Грекъ къ Киеву, пребывшу же *ему* 4 лѣта. (912 г.)

На пятое лѣто помяну конь, от него же бяхуть рекли волсви умрети. — ...от него же *ему*... (912 г.)

И выникнувши змиа изо лба, уклону в ногу. — И выникнучи змія изо лба, и уклону *и* въ ногу. (912 г.)

Язык и этнокультурные контексты

И плакашася людие вси плачем великим, и несоша и погребоша (в А добавл. *его*) на горь. — И плакахуся людие вси, и съ плачемъ великомъ несоша *и*, и погребоша *и* (нет в А.) на горь. (912 г.)

И пожьже градъ. — Яко взя градъ и пожьже *и*. (946 г.)

...посли и гостье (греческие), да приносятъ грамоту, пишуче *сице*... — ...пишучи *е сие*:... (945)

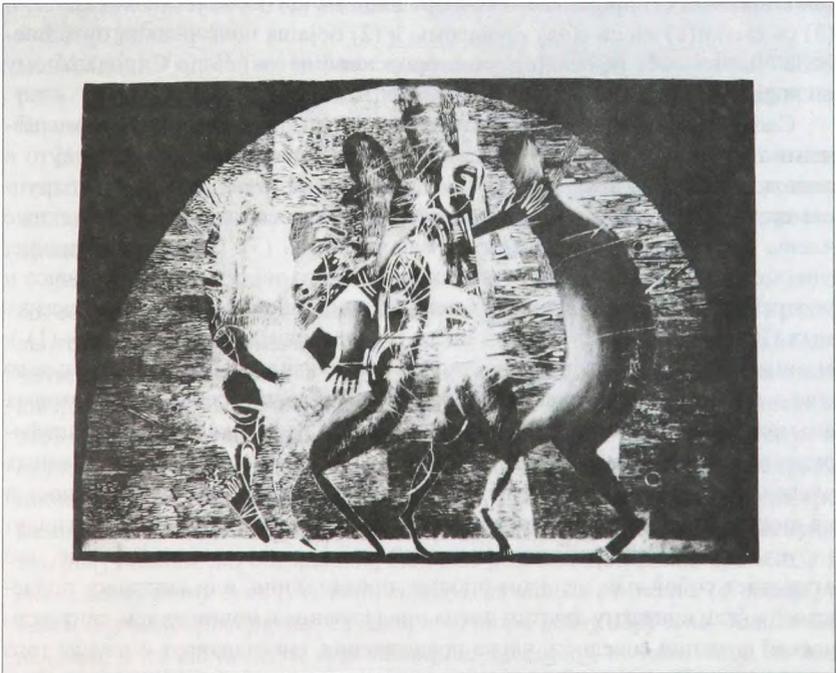
(Об украденном) Достойно да возворотить. (в РА лоб. *е*) — ...достойно есть возвратити *е*. (945)

(после слов Ольги) И се рекши, моляшеся за сына и за люди — И рекши *ей*, моляшеся... (955 г.)

(В договоре с греками) Аще ли о тьхъ самьхъ прежереченыхъ съхранимъ, азъ же и со мною и подо мною, да имьмъ клятву от бога — Аще ли отъ тьхъ прежереченнаа *ихъ* не сотворимъ... (971 г.)

Яко вльзоша въ истобку, тако запрени быша. — И яко внидоша во храмину, и тако запроша *их*. (1095)

Вставка прямых или косвенных дополнений анафорического местоимения в той или иной падежной форме возможна только при способности глагола к управлению этим падежом. Управляемое местоимение *его-ему*, завершающее собой глагольную синтагму, в каком-то (прежде всего имен-

А. Новик. СЮЖЕТ, 2000 (литография)

но в позиционно-разграничительном) смысле напоминает постпозитивное *и-(е) го-(е) му* после прилагательных и причастий (где они вызывают, правда, согласование, но не управление), в том числе субстантивированных, к которым это местоимение присоединилось в предшествующую эпоху согласовательным путем; значит, управляемое местоимение **i-ego* создало конечную границу словосочетания, а это же согласуемое местоимение — особую внешнюю флексию слова. Как видим, в случае имен, прежде всего характеризующих, появляется яркая граница слова, в случае глаголов появляется яркая граница словосочетания.

От склоняемого анафорического местоимения *ego-ему* нельзя отделять частицу *и*. Многочисленные частицы-союзы *и*, повсюду встречающиеся в повествовательных текстах летописей, играют роль, скорее, не соединительного союза, а разделительного средства, показывающего начало новой синтагмы⁴. По своей прежней функции *и* представляет собой анафору и обеспечивает паратактическое «цепочечное нанизывание» этих синтагм при помощи анафорического повтора. Напр.:

И (2) въ то врѣмя оумърль бяше михалко. и (2) поиде съ ростовъци и (3) съ суждальци. къ володимирю. и (1) постави всѣволодь съ володимирьци и (3) съ переяславьци. противу јего пълкъ. и (1) биша ся. и (1) паде обоихъ множество много. и (1) одолъ всѣволодь. и (1) възврати ся мьстиславъ въ новъгородъ. и (1) пријаша его новгородьци. нъ (2) поуть јемоу показаша. и (3) съ с(ы) н(ъ) мь съ с(вя) тославомъ. и (2) појаша новгородьци оу всѣволода с(ы) нъ собе јаросла(в). (Новгородская I летопись по Синодальному сп., полулл. 79-81)

Слово *и* выполняет 3 функции: разделяет и соединяет предложения с разными подлежащими (1), не называя второе из них, когда оно упомянуто в виде дополнения в предыдущем предложении; разделяет и соединяет группы сказуемых при одном подлежащем (2); присоединяет второстепенные члены предложения, показывая их однородность (3). Обратим внимание, что, в отличие от современного соединительного значения, частица-союз *и* употребляется не только при сохранении подлежащего и однородных сказуемых (2), но и при смене подлежащего («переключении референции», (1)). Нами высказывается версия происхождения современного соединительного союза *и* из этих двух очень типичных древних его употреблений, в которых его можно напрямую возвести и по форме, и по функции к Им. п. м. р. анафорического местоимения **i-ego*; в этой функции, закрепившись при главных членах предложения, слово *и* без изменения по формам распространилось и на второстепенные члены предложения (3). Точно так же, как оно сигнализирует о конце согласованного определения в соответствующей форме, оно открывает собой или целиком простое предложение, или синтагму подлежащего, или синтагму другого члена предложения с повторением синтаксической функции соседнего члена предложения, сигнализируя о начале того или другого. Причем собственно синтаксическая анафорическая задача выражения идеи повторения синтаксической функции оказывается важнее за-

дачи согласования по морфологической форме с этим членом предложения, поэтому сохраняется начальная форма *и*, и анафорическая частица (явление, распространенное в древних языках) не включается в парадигму анафорического местоимения *его-ему* от той же основы. Функция повторения позиции подлежащего, самого главного члена предложения, метонимически распространяется на второстепенные члены предложения.

Побочный демаркационный эффект анафорических связей — существенная и широко распространенная черта древнерусского текста.

Местоименно-соотносительное слово *то*, *тотъ*, склоняемое или несклоняемое, было обязательным элементом построения сложного предложения. В случае утраты склонения слово *то* занимает непременно первое место в таком предложении, которое в синтаксисе, более близком к современному, можно назвать главным. Однако в моделях «паратактического подчинения» (А. А. Потебня) с препозицией «придаточного» *что... то..., аже... то..., аще... то...* и подобных оно по смыслу могло быть даже менее важным, чем первая часть. Местоименное слово *то* выражало не только анафорическую связь с предшествующим условным или относительным предложением, но и катафорически указывало на последующее содержание в составе «своего» предложения. Это свойство местоимения *то* со временем приглушилось, но в ранних текстах оно провоцирует парное употребление:

Мы ч(е) л(о) в(ь) ци грѣшни суще. и см(ь) р(ь) тни. *то* же ны злостворить. *то* хоцемъ ѹ пожрети. и кровь jeho прольжати вскорѣ. («Поучение Владимира Мономаха», 1096 г., по Лаврентьевской лет.)

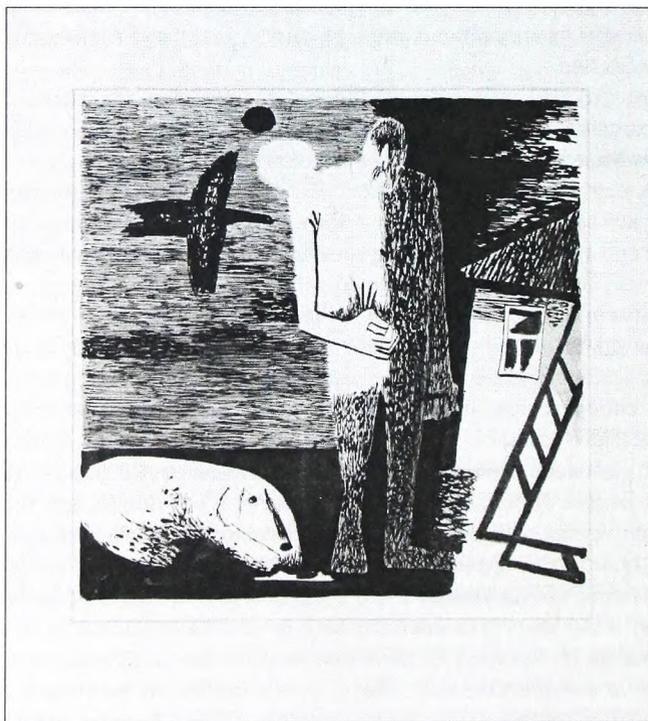
На основе таких употреблений сложился современный парный сочинительный союз *то... то...* Начальное *то* — яркая граница простого предложения, которому предшествует другое связанное с ним по смыслу простое предложение.

Местоименная частица *се* сама по себе или в сочетаниях *а се*, *и се*, *се бо*, *се же* и др. начинает целый текст или более или менее крупные разделы текста. Традиционные зачины грамот *се азъ*, *се купи*, *се приеха* вводят читателя непосредственно в курс дела. Изложение вопроса ведется с точки зрения самого вопроса. Местоимение ближайшей степени дальности от этой же основы используется при введении прямой речи в формуле *се рече*, *се рекъ*, *се рекиши*. Местоимения используются и во многих других традиционных формулах, как анафорические (отсылочные) средства и одновременно как показатели границ этих формул-синтагм: *дати то*, *то отложити*, *то учинити*, *то поставити*, *то есть обычаи*, *то дѣяти*, *про то...*, *за то...*, *всему тому судъ (учинити справу)*, *въ тое ся ступати*, *(о) томъ рубезь держяти (творити)*, *ся запираши того*, *тому вѣру яти*, *дати тому исправа*, *а на то послухъ*, *тая обида*, *за ту голову*, *въ том миру*, *въ том дѣль*, *тому дѣлу*, *тим словом*, *того чловѣка*, с XV в. — *тому то платити (вдвое)*, *на тех имати заповеди (по два рубля)*, *на тех давати приставов*,

на том (прикащикова) пошла, и в том купил (какую-л. часть), того обыскал, и того будет (сумма, ср. совр. *итога*), да в том есмь и отпис дал, на тѣх людех (в грамотах); *се слышавъ, то слышавъ* (в летописях).

Начало фразы может отличаться от одного автора к другому [Русинов 1993: 54–74]. Союзы *а* и *и* — наиболее характерные начала древнерусских предложений (предикативных единств) и более мелких синтагм. Со временем *а* начинает вводить более крупные единства, чем *и*.

Итак, в потоке речи местоименные частицы служили первоначально для оформления правой границы слова, затем, в виде развитых препозитивных изменяемых местоимений, — левой границы словосочетаний. Местоименные и неместоименные частицы, оставаясь самостоятельными словами, приобрели метатекстовые функции, в частности функцию определения начальной границы простого предложения, а частица-союз *и*, реже другие частицы, — и однородного с соседними в синтаксическом отношении слова или словосочетания. Вся речь была непрерывной, со слабо выделявшимися полнозначительными словами (элементами символического поля языка), которые входили в предикативные единства (зачаточные предложения), линейно (паратактически, «цепочно») соединяемые друг с другом, то есть

А. Новик. СТАРИК И СОБАКА, 2000

так же слабо, без подкрепления синтаксическими языковыми структурами, поэтому роль неполнозначительных вспомогательных слов (элементов указательного поля языка) сводилась не только к указанию характера связи между словами в речи, но и к их отграничению друг от друга. Эту функцию можно сравнить с современными частицами и междометиями, обильно заполняющими промежутки между словами в современной небрежной фамильярной устной спонтанной речи; словами, которые, с точки зрения современной рациональной нормы русского литературного языка, считаются «словами-паразитами». Как это бывает и в живой природе, прежние полезные и весьма значимые элементы речи выродились в слова-паразиты или жанровообразующие средства, напр. средства ретардации в былинах [Тарланов 1983: 15-22].

ИСТОЧНИКИ

1. Летопись по Воскресенскому списку // Полн. собр. русск. лет. Т. VII. СПб., 1856. Т. VIII. СПб., 1859.
2. Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1875.
3. Повесть временных лет / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Ч. 1. М.; Л., 1950.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Одним из ярких свидетельств этого являются многочисленные словообразовательные кальки в переводах с греческого и широко распространенная словообразовательная синонимия [см., напр., Николаева 2007: 43, 87-90]. В архаической форме русского литературного языка возникает возможность «плетения морфем» [там же: 90], дающая множество окказианизмов.
- ² См. в части I «Сравнительной грамматики» Франца Боппа [Ворр 1833-1837]; подробнее об этой гипотезе — у Р. М. Мейера [Meуer 1902-1903: 126-132].
- ³ Указываются страницы издания «Повести временных лет» 1950 г. по Лаврентьевскому списку для статей вводной части до погодных записей и год, под которым находится сообщение, — для погодных статей.
- ⁴ О происхождении частицы-союза и см. нашу работу [Демидов 2008: 71-82]. Очень важно, что *и* и *то* суть частицы, хорошо сохранившиеся и как проклитики (*и* сказал он...; *если*..., ...*то* говорит он), и как энклитики (*а он и* говорит...; *а он-то и* говорит), в обоих случаях подчеркивая начало синтагмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Николаева Н. Г. Славянские ареопагитики: лингвистическое исследование. Казань, 2007.

2. Bopp Fr. Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Litthauischen, Altslawischen, Gothischen und Deutschen. Berlin. ЧЧ. 1-3, 1833-1837. Ч. 4-5, 1842-1849.
3. Кудрявцев Ю. С. Проблемы фонологического анализа в диахронии // История русского языка. Среднерусский период. [Проблемы исторического языкознания. Вып. 2.] Л., 1982.
4. Wackernagel J. Zwei Gesetze der indogermanischen Wortstellung // Wackernagel J. Kleine Schriften. Bd. III. Гёттинген, 1979.
5. Meyer R. M. Zur Geschichte einiger linguistischer Hypothesen // Indogermanische Forschungen. Bd. 13. 1902-1903.
6. Демидов Д. Г. «Вставное И» Н. М. Каринского // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 2008. № 3.
7. Русинов В. Н. Из наблюдений над особенностями начала фразы в сочинениях Нестора Киевопечерского (В связи с проблемой Нестор-летописца) // Общее и региональное в древнерусской и старославянской языковой культуре. Нижний Новгород, 1993.
8. Тарланов З. К. О жанрово обусловленных функциях союза-частицы и в языке русского фольклора // Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1983.

Людмила
Александровна
ЛЕТАЕВА

ОБРАЗОВАНИЕ, ШКОЛА, УЧИТЕЛЬ В АНТИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ

Данная публикация представляет собой реферативный обзор образовательной системы Древнего Рима на основании источников, приведенных в списке литературы. Сведения о состоянии образования в античную эпоху скудны, фрагментарны, эпизодичны. Автором предпринята попытка изложить последовательно и объективно разрозненную, зачастую субъективную информацию.

Человечество неизбежно черпает многое из цивилизаций древнего мира. Античность продолжает рассказывать нам о себе, о своих светлых и темных сторонах. Она требует отнестись к ней критически, освоить ее опыт и не повторять ошибок. Мы должны, по словам Л. Винничук, знать свое прошлое, а также историю культуры эпохи, в которую всеми корнями уходит наша культура. Мы должны вновь и вновь обращаться памятью к античному миру, к его людям, обычаям, нравам [Винничук 1988: 493]. На развалинах античных государств сформировалось большинство европейских формаций. К нам пришли учреждения, установления, законы, обычаи древних. Они разработали все стороны человеческого развития раньше, чем «новые» народы: германские и славянские. Своими достижениями античные цивилизации обязаны не только изобилию талантов, но в первую